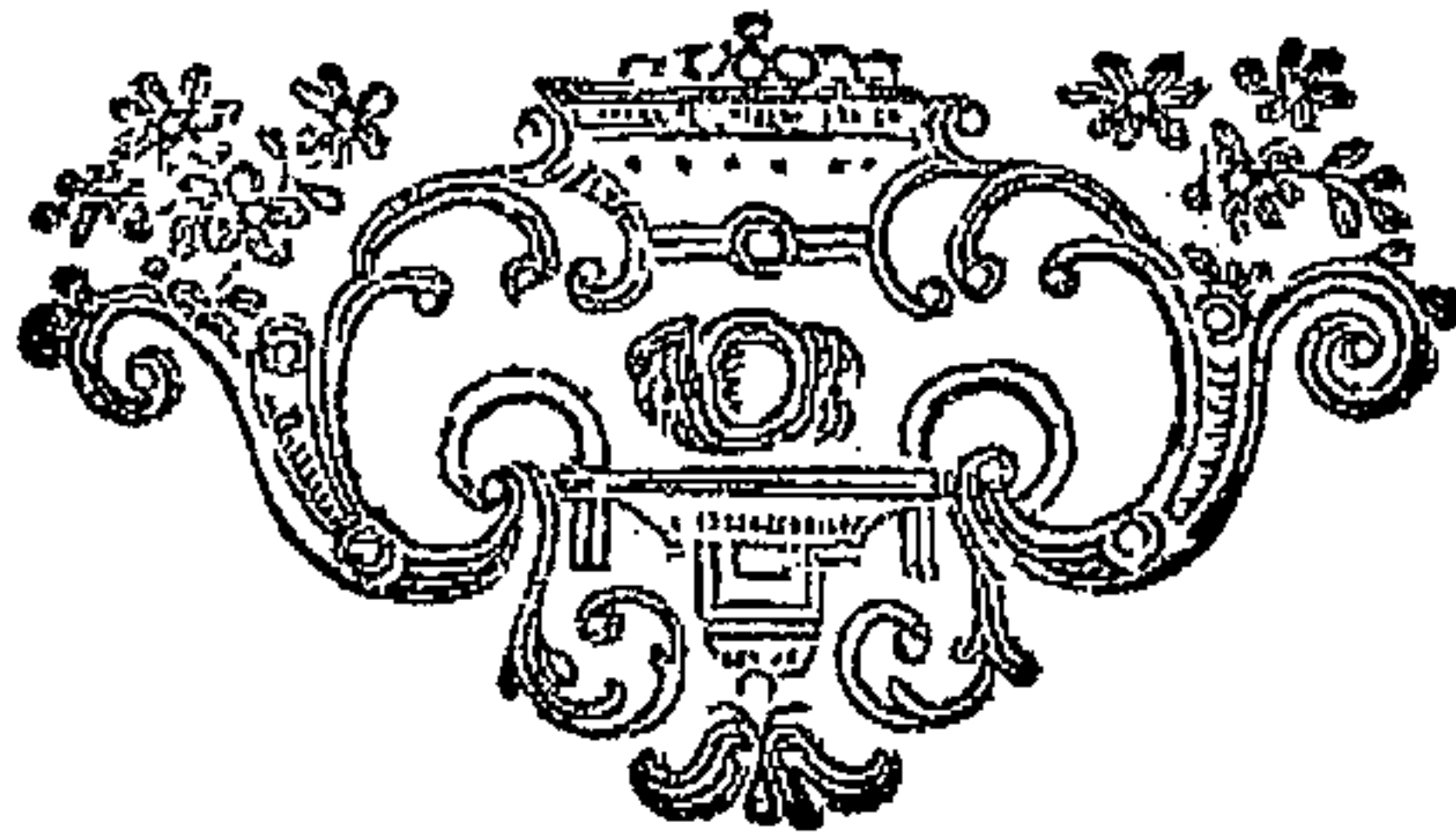

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО

ПОЕМА

Ипполита Богдановича.

#####

Въ Санктпетербургѣ

1765 года.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

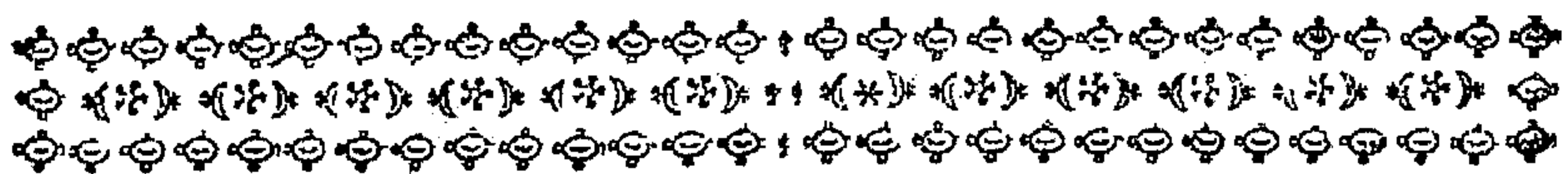
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

ВСЕРОССИЙСКАГО ПРЕСТОЛА

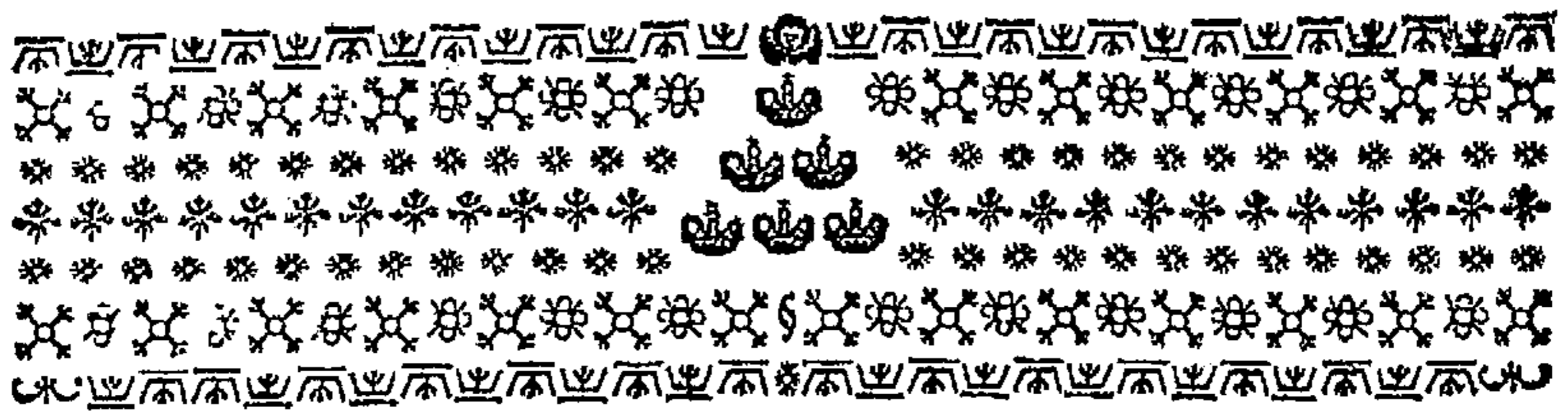
НАСЛѢДНИКУ

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

Залогъ врученный намъ опшъ щедрыя судьбины,
Ко продолженію щасливыхъ нашихъ лѣтъ,
Дражайшій даръ небесъ и даръ ЕКАТЕРИНЫ,
Надежды общія пріятнѣйшій предметъ,
О! Ты кошпорой всѣхъ съ щедрошю внимал,
Ко подданнымъ Твоимъ являешъ крошккой зракъ,
Реликой Князь, позголь чшсбъ муза молодая
Желаній искреннихъ Тебѣ явила знакъ.
Позволь, чшобъ для Тебя я лиру днешъ настроилъ,
Кшпору удосшой и нынѣ шакъ пріятъ,
Какъ оную пріятъ Ты прежде удосшоилъ,
Когда дерзалъ я пѣтъ Твою преславноу Машъ.
Дерзаю посвятить Тебѣ я ону лиру,
Кшпора можешъ бытъ въ послѣдокъ возвеститъ
Твои великія дѣла пространну міру,
И славу до краевъ земныхъ Твою промчитъ,
Провозгласитъ Твое премудро попеченъе,
Твою къ опечесшву и къ истиннѣ любовь,
И къ подражанію преславныхъ дѣлъ стремленъе,
Коль свѣту Ты явишъ собой примѣры вновь.
Превыдешъ ты свое желаніе Россія,
Гророчесшвующій я слышу въ небѣ гласъ:
Ты будешъ времена, имѣтъ всегда златыя
И пѣснѣй не прервешъ ликующій Парнасъ.

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО, ПОЕМА.

ПѢСНЬ I.

Эю сугубаго причину благоденства,
Источникъ щастія и бытїе временъ,
Которы на земли открыли путь блаженства,
И лучшій жребїй намъ чрезъ множество премьнѣ.

Въ селенїи небесѣхъ пространномѣ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлыя лучи,
Твоимъ влїянемъ, о! Истинна святая,
Внушишь швой смертнымъ гласъ, мой разумъ научи;
Вложи въ меня свои божественныя законы,
Представь какъ смертныя въ природномѣ бытїи
Прїяли оцѣ себя и скиндрѣ и короны,
Дабы предписывать уснавы намъ твои;
Представь передъ очми швы ПАВЛА молодого
Начальный въ естество благополучный вѣкъ,
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человекѣ,

Когда онъ испшину любилъ безпринужденно,
 Не бывъ никаковымъ усташамъ покоренъ,
 Какъ время наконецъ шо спало быть прембно
 И какъ сугубымъ былъ онъ щасшьемъ награженъ.
 А вы откройте пушь въ жилище Ваше дивно,
 Отъ музы, я умою взнестись отважусь къ Вамъ,
 Въ мбша гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
 И гдѣ сооруженъ божественный Вашъ храмъ,
 Гдѣ свбшишь вбчнои день и мркъ неизгасемъ ночи,
 Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ;
 Позвольте мнѣ вступишь въ священны ваши роци,
 И оживляющихъ коснушься вашихъ водъ.
 Но музы, я не съ нбмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
 Чтобъ вымышленными примбрами боговъ,
 Высоконарностью и красою надменной
 Украсишь искренность моихъ усердныхъ словъ.
 Я съ Пиндаромъ не щусь бышь славою возвышенъ,
 Не славнымъ въ свбшѣ я полезнымъ бышь хочу;
 Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
 Я всю свою тогда награду получу.
 Лишь шбмъ должна бышь цбснь моя красна и стройна,
 Коль мбша въ ней имбшь не будетъ подла ласть,
 Коль будетъ Павловъ прятя достойна,
 Коль испшину предъ нимъ потщится превознести.

Се книга вбчности разнулась предомною,
 Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
 И всѣ вмбщенныя обширностью земною
 Безчисленныя въ ней явились племена.
 Открылся образъ мнѣ первоначальна вбка,
 Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ:
 Въ недрѣ небышя изшедша теловѣка
 ъ гнжу на земномъ пространствѣ въ первой разѣ;

Въ шопѣ часѣ, какъ онѣ свое увидѣлъ совершенство,
 Одними чувствами своими наученъ,
 Какъ каждой взорѣ ему казалъ его блаженство
 И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
 Пяшь чувствѣ ему даны на то едино были
 И естество на то, познание имѣ дало,
 Дабы они къ его довольствію служили,
 Не зналъ онѣ ихъ тогда употреблять во зло.
 Невинности его не развращали снѣрости,
 Въ довольствѣ лучшаго довольства не искалъ,
 Онѣ только то желалъ, что онѣ имѣлъ во власти,
 И слѣдственно имѣлъ онѣ все то что желалъ.

Вѣ согласи узря и тишинѣ пріятной,
 Изшедшихъ изъ своей угробы мирныхъ чадѣ,
 Земля, казалось, давала плодѣ спокрашной
 И представляла имѣ обильной верхоградѣ.
 Ихъ крохоснѣи тогда и нраву подражалъ,
 Свирѣпѣйшія лѣвы подобились овцамъ,
 Не разправляла ихъ ко злобѣ злостѣ людская,
 Насиліе еще не обижало шамъ.
 Не ушѣсняли шамъ людей, гоненье, звѣрство,
 Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
 Ложь, гордость, клевета, приговоръ и лицемѣрство,
 Не знали смершныя вѣ то время снѣхъ имянъ.
 Не угрожало имѣ желѣзо смертоносно
 Содѣланное днесъ къ гибели людей,
 Но было вспахано имѣ поле плодоносно
 И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сѣ вреднѣйшее грызущее насѣ жало,
 Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ,
 Корысполубіе сердецъ не заражало,
 Никто опшечлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
 Богатства собирать никто тогда не мыслялъ
 И ближнему чрезъ то не причинялъ обидѣ,
 Но каждой былъ богатѣ, жопя никто не числялъ,
 Чшо домъ, земля, иль плодѣ ему принадлежатѣ.

Земля щиталася въ то щасливое время
 Нераздѣлимою пишательницей всѣхъ,
 И люди бѣдности не чувствовали бремя
 Среди довольствія, покоя и употребъ.

- „ Премудро божество, на то они вѣщали,
- „ Разсѣянiемъ насъ умножило нашъ родъ,
- „ Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
- „ Дабы прiобрѣли чрезъ то сугубой плодъ.
- „ Сѣ природнымъ челоуѣкъ родится побужденiемъ
- „ Къ необходимѣйшимъ и надобнымъ трудамъ,
- „ И пользуясь всѣмъ другихъ людей имѣнiемъ,
- „ Взаимно къ пользѣ всѣхъ прудиться долженъ самъ.

Отверсты находя для всѣхъ земныя недра,
 Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
 Сей даръ, которой данъ отъ божества прещедра
 По мѣрѣ нуждъ всегда они извлечь могли.

Богащство онаго имѣя въ равной волѣ,
 Не сѣ ненавистью всякъ но сѣ ревностью взиралъ
 Коль кто прiобрѣшалъ передъ другими болѣ;
 Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
 Сѣ собранiе прудящееся въ пошѣ
 Пчеламъ подобилось носящимъ въ лѣтѣ медъ,
 Другъ другу подражалъ въ раченьѣ и въ охотѣ,
 И другъ за другомъ шелъ прудися каждой въ слѣдъ.
 Но вскорѣ жишели сiи прудолюбивы
 Позабывающъ свой во удовольстважѣ трудъ:
 Ушученныя ихъ и плодоносны нивы,
 Споричныя плоды въ послѣдокъ имъ дающъ;
 И въ скоромъ времени весельи повсечасны
 Послѣдующъ за шѣмъ прiятнымъ ихъ трудомъ;
 Въ довольствѣ и скопы ихъ радостей участны,
 Оставля въ полѣ плугъ покояшся пошомъ.

Тогда пристрастiе въ сердцахъ не обитало,
 Оплачной другъ тогда не нуженъ людямъ былъ,
 Но ихъ усердiе ко всѣмъ равно пылало,
 И ласки есякъ с он для всѣхъ равно дѣлалъ.

Исполненъ каждой былъ ко ближнему любви,
 И въ каждомъ почиталъ и брата и отца;
 Они считали всѣ себя единой крови
 Имѣя бытiе отъ одного Творца.
 Безъ рабства искрененъ, безъ звѣрства равнодушенъ,
 Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
 Безъ власти челоуѣкъ другому былъ послушенъ,
 Прiемля тысячи взаимственныхъ услугъ.

О! ты чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенъе
 Прiятнѣйшая спроси чувствительныхъ сердецъ,
 Любовь дающая намъ всѣмъ одушевленъе,
 Твои я нѣжности предспаваю наконецъ.
 Въ то время не были еще сердца суровы
 Привыкши радости единыя вкушать,
 Къ взаимнымъ нѣжностямъ опверсны и готовы,
 Не знали мукъ сносить, не знали причинять.
 Въ нихъ спрогосиь никогда не находила мѣста,
 Въ неволю не влекли богатство или чинъ,
 Не отдавалась на жертву имъ невѣста,
 Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
 Тотъ ею обладалъ, кто былъ для ней прелѣстенъ,
 Тотъ ею былъ любимъ кому она мила,
 Таковъ союзъ бывалъ нимало не безчестенъ,
 Не ставила въ порокъ невинныхъ дѣлъ жула.
 Хотя современемъ любовь ихъ погасала
 Изъ нѣжныя любви бывалъ нѣжнѣйшiй другъ,
 И ненависти спросиь миуовша не раждала
 Но паче множила взаимность ихъ услугъ.
 Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
 Когда любовницу несклонну находилъ,
 Коль сердце не было ее взаимно спросно,
 Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.
 Взаимно были ихъ сердца всегда плѣненны,
 Къ утѣхамъ ихъ любовь въ нихъ ставила свой тронъ.
 Весельи не были ихъ съ горесью смѣшенны,
 Не прерывали ихъ мученiи ни спонъ.

6 Сугубое блаженство

Не заражали ихъ пріятныя отравы
Во внѣшнихъ и бжностяхъ скрывая лестной лдѣ,
Но просты были ихъ сердца, поступки, нравы,
И не являлъ тогда двойкихъ чувствѣй взглядѣ.
Ревнивость никогда любви не развращала
И подозрѣніи не мучили сердецъ;
Коль въ нихъ однажды спраспѣ взаимно воспылала,
Безъ перемѣнъ она имъ бла свой конецъ.

На марсовыхъ поляхъ руки не воужали
Ни слава тщетная, ни злобспвующа мещѣ,
И онымъ титуломъ себя не украшали,
Которой имъ даелъ иль робость или лещѣ.
Тотъ знашенъ былъ, почтенъ и въ званіи високомъ
Кто болѣе для всѣхъ полезнымъ бытъ обикъ,
И правда не была ушѣснена порокомъ,
Не повреждалъ ее клеветущихъ языкъ.
Бездушной лбѣдникъ и подлой лжесвидѣтель
Предъ лицемъ брной судъ безгласныхъ не влекли,
Невинность, испинна, любовь и добродѣтель
Повсюду щасливо жранились на земли.

* * *

*

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ II.

Источникъ нашего и щаспія и бѣдства
Являетъ смертному его способность силъ,
Являетъ умъ ему другія къ щастью средства;
Онъ льстился сладостью, которой не вкусилъ.
Онъ началъ познавать свое несовершенство,
Храня въ довольствіи едину простоту;
Онъ въ жизни лучшее желалъ имѣть блаженство,
И въ щасть не жопѣлъ подобиться скопу.
Неограниченно пространной умъ имѣя,
Но малымъ и простымъ познаніемъ спесненъ,
Онъ чувствовалъ свой даръ спыдся и жалѣя,
Что онъ невѣднемъ былъ прежде помраченъ.
Прешемныя опѣ глазъ завесы раздираетъ,
Спремился пронидать невидимое имъ,
И пыячу онъ крылъ быспрѣйшихъ простираетъ,
Чтобъ выше вознесшсь могъ разумомъ своимъ.
Не шѣми чеповѣкѣмъ возрѣлъ тогда очами
На свѣшъ, которому дивился прежде онъ,
Но просвѣщенныя умы наукъ лучами,
Открыли еспества порядокъ и законъ.
Открылось новое вселенной намъ пространство
И обитаніе непроходимыхъ мѣстъ,
Почувствовала вновь земля свое подданство,
Явило путь пловцамъ сіянье дальнихъ звездъ.
Спремене воли морскихъ имъ спало не ужасно,
Къ неслыжаннымъ мѣстамъ имъ не былъ путь далекъ;
Искусству нашихъ рукъ все спало бышъ подвластно,
И началъ съ пользою жить въ свѣшѣ чеповѣкѣ.
Къ художествамъ свои приобучая руки,
На вышшую спепень искусство онъ возвелъ.
Колико разныхъ благъ произвели науки,
Колико совершенствъ, колико славныхъ дѣлъ?

На свѣшѣ нѣшѣ добра, нѣшѣ пользы ни единой
 Которубѣ не ошѣ нихѣ заимспвовали мы;
 Чшо общаго могло спокойсва бышѣ причиной,
 То все науками приобрѣли умы.

Тамѣ обществы людеи, тамѣ видимѣ нынѣ грады,
 Гдѣ были до сего лишь горы и лѣса;
 Ошверзли смертнымѣ путь науки въ храмѣ Паллады,
 Послали новой свѣшѣ на землю небеса.

Сынѣ долженѣ спалѣ ошцу не жизнью лишь одною,
 Но воспитание имѣ въ дѣшсшвѣ получа,
 Онѣ щасшья своего считалѣ его виною
 И щасшьемѣ награждалѣ дѣшей своихѣ уча.
 Ихѣ щщаниемѣ потомѣ шо было совершенно,
 Чшо къ пользѣ общества изобрѣшалѣ ошецѣ;
 Искусствомѣ ешество въ порядокѣ приведенно
 Намѣ новыя дары ошверзло наконецѣ.

Необходимость всѣхѣ и нужда побуждала
 Ко временнымѣ трудамѣ потребнымѣ въ жишій:
 Не праздность по трудахѣ, наука ушѣшала
 Тою, што чувспвовашѣ ушѣши могѣ сн.
 Прироча поддала на шо намѣ крѣпость шѣла,
 Чшобѣ не былѣ челобѣшѣ трудами ушомленѣ,
 И сѣ онымѣ разуму прѣсудспвовашѣ велѣла,
 Чшобѣ мыслями онѣ былѣ всечасно упражненѣ.

Являютѣ чудеса коперникѣ, Невтонѣ,
 И открывающѣ намѣ предвѣчности уставѣ;
 Казалось ешеству они дающѣ законы
 Порядокѣ онаго намѣ точно предписавѣ.
 Кѣ познанию вещей чѣмѣ што стремилсѣ болѣ,
 Тѣмѣ лучше общую шощѣ пользу могѣ найши;
 Открылось тогда пространнѣйшее поле
 И безкочечныя ученія пущи.
 Познание одного являя путь кѣ другому,
 Давало новыя понятію лучи
 И сколько лѣзя достичѣ кѣ познанию прямому,
 Науки насѣ вели невѣденья въ ночи.

Хоть строгой Философъ науки отвергаетъ
И представляетъ намъ послѣдующій вредъ:
Но праведноль за то онъ пользы обвиняетъ,
Когда причины ихъ причины спади бѣдъ?
И естли получишь не лзя добра шакова,
Ни совершеннаго споль щасстья намъ сыскашь,
Чтобъ въ ономъ не было послѣдствія жудова:
То должноль для шого намъ щасстье презирашь?
Виновенъ человѣкъ, виновно заблужденье,
Когда изъ добрыхъ зримъ причинъ конецъ жудой,
Не правомыслие и злоупотребленье
Всегда выводимъ вредъ изъ пользы начашой.

Награда чистыхъ душъ, утѣха кропкихъ нравовъ,
Наславица умовъ, спокойства пущь и ключь,
Подательница намъ правдивѣйшихъ уставовъ,
И добродѣтельныхъ надѣянїя лучь,
О! философія, первѣйшій даръ Небесной,
Тобой открылся намъ блаженный оный вѣкъ,
Когда обрѣлъ покой душевной и телесной,
Въ жизнь крапкую, въ трудахъ, въ недугахъ человѣкъ.
Коль къ малымъ безъ себя утѣхамъ онъ способенъ,
Коль малобъ щасшливъ былъ своею онъ судьбой!
И естли божеству чѣмъ смертной былъ подобенъ:
Подобенъ былъ ему единою побой.
Изъ щасстья дѣлая щасшливу перемѣну,
Котору челоуѣкъ наукой приобрѣлъ,
Онъ жизни своея узналъ прямую цѣну,
Не въ чувствахъ ужъ однихъ но въ мысляхъ жизнь имѣлъ.
Онъ въ пользѣ общей былъ усерденъ, безпристрастенъ,
Какъ скорбѣ по себѣ онъ чувствовалъ другихъ,
Равно такъ въ радостяхъ онъ ихъ бывалъ участенъ,
И пользою своею полезенъ былъ для нихъ
Наукой правилсь сердца и нравы грубы,
Доколѣ человѣкъ не вѣдалъ вредныхъ нуждъ;
Наукой сладостн онъ чувствовалъ сугубы
Доколѣ суетныхъ желаній былъ онъ чуждъ.

Не на всегда нашъ умъ въ границахъ былъ удерженъ,
 Не чувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца;
 Гнушался смертной имъ, но былъ ему подверженъ,
 И ненавдя зло лобзалъ его творца.

Самолюбивыя питались въ немъ желаньи,
 И польза собственна влекла ею во плбнѣ;
 Другія были въ немъ надежды и исканьи,
 И мнимымъ щастіемъ спалъ смертной ослеплѣнъ.

Его познаніи и мысли просвѣщенны,
 Кошоры дѣлали блаженными людей,
 Ко общей были всѣхъ напаси обращены,
 И смертной самъ себѣ первѣйшій спалъ злодей.

Казалось, нѣкая буншующая сила
 Щасливой пишинѣ поревновала ихъ,
 И нѣкой язвою вселенну заразила,
 Кошорая ввела льстецовъ, надменныхъ, здыхъ.
 Казалось, адъ свою разверзъ тогда ушробу
 И фурій выпустилъ мучительныхъ въ народъ,
 Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
 И челоѣческой шерзатъ всечасно родъ.

Казалось, еспество въ раскаянѣ стыдилось
 Неблагодарнымъ свой испощевая даръ,
 И Небо видѣшь ихъ злодѣйствы отшратилось
 Гопова праведной для казни ихъ ударъ.

Различныя тогда насъ мучить спали спрасши
 И заблужденіи шекли спрасшамъ во слѣдѣ,
 Различныя тогда узнали мы напаси,
 Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
 Подобно какъ бы шьмы Перуновъ къ намъ низпали
 Дабы на насъ послать напасей люпыхъ шьму.
 Какія мыслямъ вдругъ чудовищи предспали!
 Еоображеніе преспрашное уму!

Подобящуюся низпадшей въ шьму денницѣ,
 Носящую всегда вражду, раздоры, прю,
 Педвсмляющую главу въ высокой колесницѣ,
 Гнущейшу фурію передъ собою зрю.

Высокомѣрїя черты изображены
 Я вижу на ее гордящемся челѣ;
 Надменнѣй пышно видѣ и взоры принужденны
 Уста опъерстыя къ презрѣнью и жулѣ,
 Глаза взирающіи на всѣхъ съ пренебреженіемъ
 И жаждущіи всегда похвалѣ своихъ искапъ,
 Наполненныя всѣхъ другихъ уничтоженіемъ,
 Являютъ горлостъ мнѣ пороковъ гнусныхъ мапъ.

Предстала ненависть въ ея развратномъ видѣ,
 Имѣя блѣднѣй видѣ, языкъ носящій ядѣ,
 Пылая ко врелу, ко злобѣ, ко обидѣ
 И озирая кровнѣй мещепъ взглядѣ.
 Неудовольствіе она въ лицѣ являетъ,
 И угрызенеіе написано въ очахъ;
 Безъ насыщенія всего она желаетъ,
 Приходитъ со враждою, опшедъ наноситъ страхъ.
 Она свирѣбѣй льва, опаснѣя ехидны,
 Не прощаетъ ее ни жалостъ ни любовь;
 И естли гдѣ слѣды ея остались видны
 Узнаетъ каждой ихъ, зря слезы или кровь.

Зрѣ лещъ чудовище опаснѣйшее людемъ,
 Не рѣдко мудрыя страдаютъ отъ него,
 И естли виду мы его ввѣряться будемъ,
 Не можемъ избѣжать несчастья своего.
 Лопѣйша фурія наполненная ядомъ
 И изрыгающа отмщеніе, гибель, вредъ,
 Припворно ласковымъ сердца плѣняетъ взглядомъ,
 Слова ея всегда сладчайшій носятъ медъ.
 Подобно какъ змея въ кустахъ цвѣшовъ сокрыта,
 Приманчивой для всѣхъ съ наружи кажетъ видъ,
 Но пропасть для того погубельна изрыта
 Кого она къ себѣ симъ видомъ приманитъ.
 Ласканы, похвалы бывающъ часто сѣти,
 Копкѣ рѣми сердца подобно ловитъ лещъ;
 Провѣрство и обманъ сей фуріи суть дѣли,
 Отъ коихъ терпитъ вредъ невинностъ, правда, честъ.

Отъ прехъ тирановъ сихъ размножились пороки
 И неизчислимы злодѣйствы въ свѣтъ ввели:
 Безжалостны сердца, мучители жестоки
 Разсыпали бѣды и скорби по земли,
 Тотъ былъ несчастливъ всѣхъ, кто болѣ изобилень,
 Безъ помощи терпѣль обиды человекъ;
 Тотъ былъ щастливъ всѣхъ, кто болѣе былъ силенъ:
 Воспалъ на друга другъ и къ мщенью мечъ извлекъ.
 Иной прибышокъ зря, иной для тщетной славы,
 Иной свой собственной предупреждая спрахъ;
 Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы
 По спогнамъ жалобы, вопль слышенъ былъ въ домахъ.
 Науки здѣлались орудіемъ ихъ мести,
 И разумъ разправлялъ жестокость общихъ ранъ,
 Не слышалъ человекъ ни должности ни чести,
 Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.
 Оружіе и смерть опустошали землю,
 Порокъ и грѣхъ тогда былъ жребіемъ людей.
 Какія вопли я пронзительныя внемлю!
 Какой не пронется сей жалостью злодѣй!
 Невинность, истинна, науки, добродѣтель,
 Любовью собраны вопли къ небесамъ,
 Дабы шолкиихъ благъ источникъ и солѣтель
 Имъ далъ прибѣжище и крошость далъ сердцамъ.

* *

*

ПѢСНЬ III.

Терпѣнье съ крошостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ божеству;
Поверженная честь у ногъ злодѣйскихъ мертва
Во укорзненіе являлась естеству.
Всеобщны жалобы и голоса плачевны,
Пронзая облака коснулись Небесамъ;
Являлись щедры намъ судьбы дополъ гнѣвны,
Когда никто не зрѣлъ конца своимъ бѣдамъ.
Почувствуя свое прешагоспѣйше бремя,
Подъ коимъ человекъ злодѣйствуя спеналъ,
Увидѣлъ съ ужасомъ упрѣченно имъ время,
Какъ пользы онъ искалъ и пользу испреблялъ.
Въ терпѣньи и враждѣ спалъ въкъ ему несносенъ,
Онъ собственнымъ своимъ былъ игомъ упоменъ;
Бывъ вреденъ ближнему и бывъ себѣ поносенъ,
Буншующій въ немъ нравъ казался уполенъ.
Но тщетно онъ въ себѣ искалъ шолжкой власши,
Которабъ собственной дала ему законъ,
Привычкою ему его казались спрасши
И болѣ обладать не могъ собою онъ.
Привычка вредная бываетъ намъ усшавомъ,
Которой нудишь насъ во слабостяхъ понушь,
И необузданнымъ владѣя спрасши нравомъ,
Увидѣшь истинной препяшшующей намъ путь.
Упрямство лишь одно раскаяшья мѣшаешъ,
Когда не чувствуешь ширанъ, что онъ жестокъъ
И гордость, иногда признанія лишаешъ,
Какъ жулимъ мы въ другиѣхъ свой собственной порокъ.
Томъ къ мщенью и враждѣ причивѣ находишь много,
Кто злобы никогда не хочешь испребитъ.
Съ строго всѣхъ судя, судимъ взаимно строго
И будешь принужденъ иль гибнуть иль губить.

Злодѣи думая, что всѣ должны быть злобы,
 Находясь пошому причины всѣхъ язвишь,
 И дѣлаясь они другъ другу въ томъ подобны
 Считающъ нуждою за злобу зломъ плащись.
 А естлибъ мы другихъ взаимно извиняли
 И не любя злодѣйствъ любили править злыхъ:
 Безъ мщенья и вражды пороки бѣ изчезали,
 Безъ гибели людской причиныбъ гибли ихъ.

Среди всеобщаго вреда и изпребленья,
 Подвиглись жалостью суровыя сердца ;
 Признанье было ихъ началомъ исправленья,
 „ Доколѣ общихъ бѣдъ, вѣщали, ждешь конца ?
 „ Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ крашокъ,
 „ Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.
 Ко ближнему еще любви въ нихъ былъ остатокъ,
 И искры истинны еще горѣли въ нихъ.
 Чтобъ гордость побѣдитъ всеобщаго упорства ,
 Зря смертныя въ стыдѣ умножившійся грѣхъ,
 Повиновенія искали и покорства,
 И власпи узами связали злобу всѣхъ.
 О! коль пріятны намъ священны оны узы,
 Которы общее согласіе крѣпятъ ;
 Чрезъ нихъ возставлены, утверждены союзы
 И ими смертныя сугубо щастье зрящъ.
 Когда умножились злодѣйствы и развраты,
 Когда была земля наплнена сиротъ,
 Въ чей были бы покровъ гонимыя пріятны,
 И гдѣбъ приближнше нашелъ тогда народъ ?
 Злодѣямъ страждущихъ прошеніе невнятно,
 Жестокія сердца не тронетъ бѣдныхъ стонъ,
 Сносить гоненіи мучительнѣй стократно
 Спеша безъ помощи, терпя безъ оборонъ.
 Ко пресѣченію шолкой-всѣхъ напасти,
 Былъ избранъ человекъ подашь законы всѣмъ,
 Судьба народу бытъ въ его велѣла власпи,
 Народъ покорствуя нрѣкъ его царемъ ;

Дабы онъ подданныхъ согласіе успавилъ ,
И образъ крепости собою имъ явилъ,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавилъ ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ незнающій въ своихъ стремленьяхъ мѣря ,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ;
Ко слабости иль къ злу ведутъ его примѣры ,
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ но подражаетъ имъ.
Онъ слабости свои примѣрами прощаетъ ,
И дѣлается онъ невольникъ часто ихъ;
И можетъ быть когда въ пороки онъ впадаетъ ,
Впадася въ оныя онъ болѣе чрезъ нихъ.
Ко исполненью дѣла его взаимность нудишь
И добродѣтель всѣ тогда любишь начнушь ,
Когда любишь ее другъ друга всякъ побудишь ,
Когда одни другимъ примѣры подадуть.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ страннымъ ,
Какая чудная плѣнила мысль мечта !
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказаннымъ ,
Отверзлись предо мной Небесныя врата .
Я вижу храмъ судебъ среди свѣшилъ несчетныхъ ,
Тамъ путь непосижимъ и неприступенъ свѣтъ ,
Тамъ славится всегда овецъ вѣковъ безлѣтныхъ ,
И тамо пишетъ свой предвѣденье завѣтъ.
Тамъ ясно видимы въ предбудущія вѣки
Неисповѣдимыхъ судебъ общы намъ ,
Которы исполняясь рождаются человеки ;
Ихъ жизнь , дѣла , конецъ изображены тамъ.
Различныя узрѣлъ я тамъ судебъ исходы ,
И по числу вѣковъ число столповъ узрѣлъ ;
На нихъ представлены послѣдующи годы ,
День , часъ , минута здѣсь , имѣетъ тамъ предѣлъ.
Среди чертоговъ сихъ стоятъ престолы , славы
Готовыя прубить дѣла владыкъ земныхъ ;
Безчисленныя зрю тамъ скипетры , державы ,
Тамъ разныя вѣнцы для крошкѣхъ или злыхъ.

Одни получаютя народною любовью,
 Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
 Другія возмущая насиліемъ и кровью,
 Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну.
 Одни всеобщее блаженство усугубяшъ
 И привлекутъ къ себѣ отъ подданныхъ любовь;
 Другія роскоши, широкство, мечь возлюбяшъ
 И пошлютъ на народѣ зъ скорбыи скорби вновь.
 Пребудутъ первыя спокойны, безопасны,
 И слава возгласитъ посвѣту имя ихъ;
 Но будутъ наконецъ послѣднія несчастны,

Собою дѣлая несчастными другихъ.

Я вижу тамъ судьбы людей правдолюбивыхъ,
 Судьбы полезнѣйшихъ для общества мужей:
 Они щасливѣе на свѣтѣ всѣхъ щасливыхъ,
 Не будучъ меркнутъ свѣтъъ припѣтѣйшихъ ихъ дней.
 За ихъ стараніе о благоденствѣ общемъ,
 Спокойствіе души въ награду дается имъ.

Почто же на свое тогда мы щасье ропщемъ
 Когда подобились мы онымъ не хотимъ.
 Прямая слава намъ отъ насъ самихъ зависитъ,
 Хотябъ въ устахъ другихъ умолкла похвала;
 Ничто другое насъ на свѣтѣ не возвыситъ
 Какъ наши добрыя съ желаніемъ дѣла.

Потомъ я вижу тамъ судьбы высокомѣрныхъ,
 Судьбы завистливыхъ, судьбы клеветниковъ,
 Судьбы предателей, судьбы льстецовъ невѣрныхъ:
 Предвѣденыи концы назначены имъ таковы:
 „Для сихъ готовъ ударъ или рано или поздно,
 „ Спокойства въ жизнь они не будутъ ощущать;
 „ Но боѣ пещь смертныя въ се въ время грозно
 „ Какъ злыя на землѣ начнутъ торжесствовать.

Я вижу наконецъ судьбы народовъ разныхъ:
 Трудолюбивѣйшимъ назначенъ сладкой вѣкъ;
 Но видя тамо я судьбу народовъ праздныхъ,
 Желалъ, чтобъ щасливый былъ въ жизни человекъ.

Въ то время какъ Цари правленіе пріяли,
 какъ намъ судьбами былъ назначенъ жребій сей:
 То пръвой козю народы увѣнчали,
 Для щасья общаго примѣромъ былъ Царей.
 Пріавъ надъ всѣми власть онъ былъ сердце владѣтель,
 Онъ общимъ былъ отцемъ и оцомъ на земли,
 И царство купно съ нимъ пріяла добродѣтель,
 Согласіе тогда и правда процвѣли.
 Прѣбквъ причины онъ враждѣ междуособныхъ,
 Невинныхъ прінялъ въ свой надежнѣйшій покровъ,
 Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злобныхъ,
 И заградилъ уста онъ всѣхъ клеветниковъ.
 Полверженной народъ до толъ злему рѣку,
 Успѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена;
 Лютская празность шамъ ведущая къ пороку,
 И роскошь вредная была изстреблена.
 По правосудію злодей шамъ былъ изшванъ,
 Не лицемѣренъ судъ, законъ хранился святъ;
 Членъ вредный общества достойно былъ наказанъ,
 И для пощады всѣхъ злымъ не было пощадъ.
 Страхъ гибели тогда спрашилъ однихъ злодѣевъ,
 Которы разрушать дерзали общій миръ.
 По бурномъ вѣяньи свирѣпѣйшихъ бореевъ,
 Подулъ тогда на всѣхъ прохладнѣйшій Зефиръ.
 Прѣшли всеобщія спенанїи и муки,
 Не винныхъ не перзалъ злодѣевъ лютыхъ страхъ;
 Явили паки свой полезной плодъ науки
 И добродѣтели воздвигли храмъ въ сердцахъ.
 По всюду радости какъ легкой вѣтръ неслися,
 По всюду слышались какъ шумъ быстрѣйшихъ рѣкъ;
 По всюду голоса Парнасски раздалися
 И музы золотой воспѣли паки вѣкъ.

* * *

Чшобѣ щасшьє пріобрѣстѣ сугубое симѣ вѣкомѣ,
Учись, Великой Князь, числомѣ примѣровѣ сихѣ,
Великимѣ бышь Царемѣ, великимѣ челомѣкомѣ
Кѣ спокойству Твоему и подданныхѣ Твоихѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

